

— Сюй Чжаовэнь, — Сюй Чжаовэнь послушно улыбнулся, хотя в глубине его глаз сгустился мрак.

Ему не терпелось узнать, что за чудо-юдо эта сиделка. Если она представляет хоть какую-то угрозу, пусть не ждет от него пощады.

А Гу Нин в это время жалко лежал в своей палате возле прикроватной тумбочки. Нога распухла еще сильнее, чем раньше, и теперь к этому добавилась пронзительная, сверлящая боль. Если бы у него были деньги, он бы давно вызвал скорую. Но в прошлой жизни, как бы низко он ни падал, он никогда не нуждался в деньгах, а сейчас... выйти в люди, в больницу, и не иметь при себе ни копейки — такой позор он вынести не мог.

— Черт... — выругался он про себя. Боль не утихала, и на чистом лбу выступил холодный пот.

Этот проклятый подонок наверняка сейчас на свидании со своим любовником, раз сбросил его звонок, даже не взглянув. Гу Нин был близок к отчаянию. Он лежал на полу, смотрел на красивую потолочную люстру и хотел плакать от обиды. Нос предательски защипало, и из глаз покатались слезы. Он принялся ругать себя за слабость.

Он не помнил, сколько пролежал на холодном полу. Помнил лишь, как Чэн Сюй, вернувшись домой и увидев его в полуживом состоянии, нахмурился, подхватил его на руки и повез в больницу.

Гу Нин, голодный и продрогший, жалко сжался в его объятиях, теряя сознание.

Изначально это был лишь легкий вывих, который прошел бы через пару дней, но теперь ногу заковали в гипс. Врач сказал, что ходить он не сможет минимум два месяца.

Чэн Сюй ломал голову, не лучше ли просто бросить парня, чтобы не бояться разоблачения со стороны Сюй Чжаовэня. Но это казалось слишком жестоким — в конце концов, они делили постель, нужно было хотя бы дать ему денег.

Если бы Гу Нин был в здравом уме, такой исход привел бы его в восторг, но перед лицом этого подонка он превращался в полного идиота. Поэтому, когда Чэн Сюй сообщил ему об этом, он был совершенно ошарашен.

— Что ты сказал? — его большие чистые глаза уставились на него, уголки глаз покраснели, а голос дрогнул.

— Понимаешь, ты сейчас ранен, тебе нужен покой, ты не сможешь за мной ухаживать. Может, переедешь? Я найду того, кто будет за тобой присматривать, хорошо? — Чэн Сюй сам не знал, почему при виде этого взгляда ему стало не по себе, и добавил: — Мне нужно учиться, времени на тебя нет, но я дам тебе денег. Хватит на жизнь. Тебе больше не нужно быть моей сиделкой.

Хотя его отупевший мозг соображал плохо, он понял: его больше не хотят.

После слов Чэн Сюя Гу Нин долго молчал. Он опустил голову, глядя в пол, сцепил пальцы, и слезы одна за другой падали с густых ресниц. Все произошло слишком быстро, но, имея опыт прошлого, он принял это без борьбы.

С самого детства он привык, что его бросают. Мать умерла рано, отец ушел, его сдали в приют. Были семьи, которые усыновляли его из-за миловидной внешности, но потом возвращали обратно, потому что характер у него был угрюмый и нелюдимый. Он должен был онеметь перед лицом судьбы, но когда это случилось вновь, боль оказалась невыносимой. Даже тот, кто клялся, что любит его, теперь отказывается от него.

Он не знал, что у него вообще осталось.

Чэн Сюй принял молчание за согласие. Глядя на его худые, дрожащие плечи и сдвоенные рыдания, он начал жалеть о сказанном. Гу Нин был пугающе худым, от прежней красоты остались только пухлые детские щеки да огромные глаза. Сейчас, после такого удара, он казался бумажной куклой — тронь, и рассыплется.

Жалко, конечно, но Чэн Сюй решил быть твердым и уйти — только так можно было избежать проблем в будущем.

Он сделал всего два шага, как сзади послышался глухой удар. Он обернулся, сердце сжалось, и он бросился поднимать его.

Гу Нин пытался сползти с кровати, чтобы догнать его, но ноги не слушались, и он просто рухнул на пол. Ударился виском о тумбочку, кожа рассеклась, и алая кровь тонкой струйкой потекла по брови. Но он, казалось, не чувствовал боли. Сел, вцепился в рукав Чэн Сюя и глупо спросил:

— Это потому, что я не могу родить тебе ребенка, ты меня бросаешь? Ты же говорил... говорил, что будешь со мной, даже если я не смогу...

Гу Нин дрожащими руками обхватил его за шею:

— Ты же обещал, что мы поженимся... Что я сделал не так? Скажи мне, я исправлюсь... Пожалуйста... не бросай меня, хорошо?

Слезы градом катились по его щекам, губы дрожали, он не мог выговорить ни слова.

Зря он тогда его так утешал. Вид страдающего Гу Нина пугал. Чтобы успокоить его, Чэн Сюй обнял его, погладил по спине и ласково прошептал:

— Я не бросаю тебя. Ты ранен, тебе нужно лечиться.

Он не то чтобы любил этого дурачка, просто не мог вынести вида его мучений. Гу Нин, услышав, что его не бросают, немного успокоился, послушно уткнулся лицом в его грудь, но продолжал тихо всхлипывать и умолять:

— Я... я хочу домой с тобой... не хочу переезжать... Можно? Я хочу быть с тобой...

Белая рука бессильно вцепилась в край его одежды. Игла от капельницы выскочила, и из маленького прокола на тыльной стороне ладони сочилась кровь. Когда Чэн Сюй заметил, что вся кисть окрасилась в красный, его охватил ужас. Он подумал: а если оставить его здесь, не умрет ли он от потери крови?

— Перестань плакать, я обещаю забрать тебя домой, — сказал он, укладывая его обратно на кровать и нажимая кнопку вызова медсестры.

Медсестра, войдя, явно удивилась увиденному, но лишь спросила, нужно ли обработать рану. Уходя, она добавила:

— Пациент слаб, будьте внимательны. Если что-то случится, нажмите на кнопку.

В VIP-палатах уход был иным, профессиональным — лишних вопросов здесь не задавали. Гу Нин поступил с вывихом, пролежал день на холодном полу, простудился, а теперь еще и разбил голову. Организм был истощен, риск инфекции был велик.

— Поешь чего-нибудь? — Чэн Сюй взял с тумбочки миску с кашей.

Гу Нин кивнул. Он с утра ничего не ел, потом упал, поднялась температура, больница, слезы... Сейчас он был обессилен, а желудок сводило от голода. Чэн Сюй взял ложку и начал кормить его. Хотя он и делал это впервые, ничего сложного не было. Гу Нин послушно открывал рот, и вскоре миска опустела.

— Ты... ты не уйдешь? Побудешь со мной? — глаза Гу Нина все еще были красными, кончик носа тоже, а во взгляде читалась такая привязанность, как у домашнего питомца, что трудно было не проникнуться жалостью.

Хотя Чэн Сюй не любил его, бросить человека в таком состоянии было бы верхом бесчеловечности. Он решил отложить этот разговор, пока тому не станет лучше.

— Мне нужно завтра в университет, — с трудом скрывая нетерпение, объяснил он. — Ты лечись, а завтра я пришлю сиделку.

Чэн Сюй совсем не горел желанием торчать в больнице с дурачком. Позвонив ассистенту и отдав распоряжения, он собрался уходить, но Гу Нин, словно почувствовав это, жалобно позвал:

— Чэн Сюй... — глаза снова наполнились слезами.

Этот вид напомнил Чэн Сюю о том, как Гу Нин едва не погиб, пытаясь догнать его. Чувство вины усилилось, и он, не раздумывая, снял верхнюю одежду, решив лечь с ним на одну кровать. К счастью, кровать была широкой, хоть и тесноватой.

Увидев, что Чэн Сюй остался, Гу Нин просиял. Он обвил его за талию и, смущаясь, прижался к его груди. Его глупый мозг, казалось, полностью забыл о том, что еще недавно его собирались бросить. Маленький дурачок был так прост: пара ласковых слов, миска каши, объятие — и он был счастлив.

— Спи, — Чэн Сюй погладил его черные кудрявые волосы и прижал его худое тело к себе.

Он собирался уйти, как только Гу Нин уснет, но сам провалился в сон и проснулся лишь утром от звонка ассистента. Когда он уходил, Гу Нин все еще спал, его лицо было спокойным и послушным. В таком виде он был невероятно мил.

Пришедшего ассистента звали Сун Жань. Он отвечал за все дела Чэн Сюя и именно он выбрал Гу Нина на роль сиделки. Чэн Сюй был молод, любил гулять и ненавидел, когда ассистент ходил за ним по пятам. Он вызывал Сун Жаня только в случае крайней необходимости. Задача Сун Жаня была проста: найти кого-то для присмотра за Гу Нином, а самому время от времени заглядывать в больницу и докладывать обстановку.

Отдав распоряжения, Чэн Сюй уехал в университет.

Гу Нин проснулся, когда солнце уже стояло высоко. Он окинул взглядом палату и тяжело вздохнул. Каждый день быть игрушкой в руках подонка — когда же этому придет конец!

— Господин Гу, с этого момента я ваш личный телохранитель. Если вам что-то нужно, просто скажите, я сделаю все возможное, — высокий мужчина подошел к кровати и почтительно поклонился.

Телохранитель!

Гу Нин, будучи умным, понял: Чэн Сюй обещал прислать сиделку, но прислал охранника. За дверью стояли еще несколько человек, выглядели они внушительно.

— Я хочу есть, — равнодушно бросил он.

Внезапно его осенило: подонка нет рядом, значит, он свободен!

Раз уж можно приказывать, Гу Нин не стал скромничать. Мясо в соусе из старой лавки, маринованные овощи, утка по-пекински, десерты — он заказал все, что любил в прошлой жизни. Телохранители сработали быстро, и через десять минут вся палата была завалена едой. Медсестры, заходившие делать уколы, уходили с полными пакетами закусок.

Сам Гу Нин был красивым, послушным и приятным в общении, так что вскоре стал любимцем медсестер, которые называли его маленьким щенком.

Позавтракав, Гу Нин попросил телохранителя подвести его к зеркалу. Он боялся, что вчерашнее падение изуродовало его лицо — в своей внешности он был уверен больше всего, а без красоты он не представлял себя. В зеркале отразились алые губы, белые зубы, тонкие брови, большие глаза и острый подбородок с легкой припухлостью. Гу Нин моргнул — отражение моргнуло в ответ. Красота и невинность гармонировали идеально. Если не считать пластыря на виске, все было в порядке.

— Хм... надо бы запустить стрим, нельзя же пропадать такой красоте! — пробормотал он, трогая свое лицо.

Отлично! Наевшись и полюбовавшись собой, он довольный вернулся в постель. Но постоянно сидеть взаперти было скучно. Теперь, когда подонка не было рядом, он мог дать волю своей натуре.

VIP-палаты находились в глубине больницы, рядом с садом. Со второго этажа Гу Нин видел пышную зелень и деревья. Он приказал телохранителю спустить его вниз, чтобы развеяться.

Оказавшись внизу, Гу Нин достал телефон. Сначала он нашел несколько групп, где занимались бустингом (прокачкой аккаунтов) — в этом деле была своя магия, и хороший напарник мог ускорить процесс в разы. Затем он запустил приложение для стримов.

Как только он вышел в сеть, ему написал бывший напарник:

Нежная Цветок: Гу-дао, помоги! Застрял на десяти звездах! Черт, эти идиоты не тянут, даже когда я беру MVP!

Поскольку Гу Нин лучше всего играл в лесу, контролируя темп всей игры, он редко проигрывал и был известен в кругах как легендарный игрок, поэтому все звали его Гу-дао. Тот, кто просил о помощи, был Ху Юй, мастер игры на миде. Раньше они жили за счет бустинга, а для Гу Нина это было просто хобби — у него был природный талант.

Гу Нин усмехнулся:

— Нищеврод, подожди, возьму заказ и приду.

Нежный Цветок: *гифка с кровью изо рта*

Приняв заказ, Гу Нин запустил стрим под названием «Король всех героев Гу-дао в деле».

Не зря он был легендой: когда Гу Нин сделал шестой «пентакилл», Ху Юй чуть не заплакал от восторга. Стоило Гу Нину зайти в лес, как победа становилась делом техники. Деньги зарабатывались легко!

Ху Юй: Гу-дао, ты велик! *гифка с сердечками*

Чтобы польстить Гу Нину, он выложил скриншот его результатов в группу и отметил его. Группа взорвалась: все знали, как хорош Гу Нин, но он давно не появлялся.

Король Ли Бай: Вызываем на дуэль! @Гу-дао

Гуй Гу-цзы: Нужен топовый лесник! @Гу-дао

Толстяк: Возьми в команду! @Гу-дао

Гу Нин: Вечером поиграем.

Закончив заказ через три часа, он проверил оплату и увидел, что в стриме кто-то прислал «самолет» — дорогой подарок. А некий «Лан Цзю» прислал их сразу десять! Гу Нин вытаращил глаза. Неужели его спонсируют? Но он ведь даже не включал камеру! Значит, его талант привлек фаната.

Зрителей было немного, всего пара сотен, но все были в шоке от его игры.

Умный Кролик: Гу-дао, завтра будешь стримить?

Милашка: Хочу с тобой в пати!

Бородач: Техника на высоте.

Фанатка подонка: Гу-дао, покажи лицо, очень ждем!

Гу Нин ответил всем сразу:

— Спасибо Лан Цзю за донат, вечером продолжим, пока.

Он закрыл приложение. Но вечером у него не нашлось времени. Потому что пришел Чэн Суй, и интеллект Гу Нина снова упал до нуля.

— А-а-а, я сейчас умру!

Люди за дверью почтительно приветствовали его: Господин.

Гу Нин лежал на кровати, увлеченно просматривая заказы на игру, как вдруг вошел Чэн Сюй. Гу Нин в отчаянии закрыл все приложения, чтобы не натворить глупостей.

Чэн Сюй не хотел приходить, но вспомнил слова медсестры: пациент слаб, риск инфекции велик. Он боялся проблем, поэтому решил заглянуть по пути домой. Гу Нин не подвел — весь день на сквозняке он чувствовал себя нормально, но стоило Чэн Сюю войти, как ему стало плохо. Интеллект ушел в минус, тело налилось тяжестью.

— Чэн Сюй, ты пришел! — Гу Нин сел на кровати, светясь от счастья.

— Лучше? — Чэн Сюй был холоден.

Человек на кровати был бледен, губы — тоже, больничная пижама висела мешком, и только глаза еще светились жизнью. Гу Нин, чувствуя головокружение, через силу улыбнулся:

— Намного лучше.

Чэн Сюй сел на край кровати.

— Ты останешься со мной? — с надеждой спросил Гу Нин.

Тот промолчал, лишь нахмурился:

— Раздевайся.

У него было плохое настроение, хотелось разрядки, да и давно он этого не делал. Мрачное лицо Чэн Сюя напугало Гу Нина, но он послушно принялся расстегивать пуговицы, боясь разозлить его. Когда у него не вышло со второй пуговицей, Чэн Сюй нетерпеливо разорвал ткань.

Гу Нин вздрогнул, когда его запястья прижали к кровати. Он тихо вскрикнул, закусив губу. На этот раз никакой подготовки не было. Тело словно разрывали на части.

— М-м... — простонал Гу Нин. Потолочная люстра расплылась в глазах.

В конце концов он не выдержал и заплакал. Он не смел просить остановиться — если не будет этого, не будет и ребенка. Чэн Сюй говорил, что если у них будет малыш, он женится на нем

после выпуска. В его глупой голове было мало мыслей, но слова Чэн Сюя он помнил хорошо.

Сегодня все было грубее, чем обычно. Раньше Чэн Сюй хотя бы утешал его, теперь — только требовал.

Закончив, Чэн Сюй безжалостно встал и оделся — ему позвонили. Гу Нин, измученный, с высокой температурой, схватил его за край одежды:

— Мне плохо...

Голос был слишком тихим. Если бы Чэн Сюй хоть на секунду присмотрелся, он бы заметил, что у Гу Нина не просто жар, а судороги. Но он спешил к Сюй Чжаовэню. Тот ревновал из-за Гу Нина, и Чэн Сюй врал ему, что Гу Нин — просто сиделка, которая влюбилась в него и теперь пытается покончить с собой.

Он долго успокаивал Сюй Чжаовэня, отвез его в отель, а теперь тот звонил и плакал, что у него поднялась температура. Чэн Сюй, услышав хриплый голос любимого, растаял — ему было не до этого «глупого кролика».

Гу Нин был слишком слаб, его рука соскользнула. Чэн Сюй захлопнул дверь, оставив его одного.

— Чэн Сюй... — Гу Нин продолжал шептать его имя, даже когда тот ушел.

Ему было так плохо. Он так хотел, чтобы Чэн Сюй обнял его. Каждый сантиметр кожи горел, казалось, он умирает. Поскольку Чэн Сюй приказал охранникам не входить без нужды, никто так и не узнал, что с ним происходит.

<http://bllate.org/book/22274/2331840>